

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ИЛЬЯ ЕГАРМИН

ЧЁРНАЯ ТРАВА

Стихи и проза

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2015

Егармин И.

ЧЁРНАЯ ТРАВА. *Стихи и проза.*

М.: Вест-Консалтинг, 2015. – 40 с.

ISBN 5-86676-095-9

© И. Егармин, текст, 2015

© И. Васильева, Д. Цесельчук, предисловие, 2015

© Союз литераторов России, идея издания, 2015

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2015

«ТЕСНЫЕ ШКУРЫ САКРАЛЬНОСТИ...»

Илья Егармин — автор не для всех. Это очень современная проза и поэзия, жёсткая, без скидок на то, каково вам, читатель, это читается. И если вы не поклонник социалистического реализма и так называемого «дамского чтения», если вы не требуете, чтобы от книги пахло фиалками, — то это ваш автор, для которого тесны «шкуры сакральности», и главный вопрос о жизни может быть задан в самых неожиданных обстоятельствах: *«Через некоторое время из люка показалась лысая голова в оранжевой каске и круглых очках.*

— Добрый вечер, — произнесла голова. — Как поживаете?

— Хорошо, — сказал Козловский.

— А зачем вы так поживаете? — сказала голова и высунулась по пояс...»

Из рассказа «Снеговик»

Илья Егармин ученик Юрия Витальевича Мамлеева, но у него абсолютно свой голос, своя манера, потому что есть свой, неповторимый творческий путь: *«В начале 90-х на моё творчество, а лучше сказать, просто на меня, сильнейшим образом повлиял Егор Летов (упокой, Господи, его душу), а именно альбом «Прыг-ског». Я сконструировал тогда из фанеры струнный музыкальный инструмент с загадочной и мне самому не известной системой настройки, на котором записал свой первый «альбом». «Альбом» назывался «Мёртвый Ленин». На сегодняшний момент утеряны как альбом, так и инструмент. Музыка полилась в меня, как в тонущий корабль. Назову только тех исполнителей, которые реально повлияли на моё музыкальное, а впоследствии, и литературное творчество. Это уже упомянутый Летов, — он был первым (я исключая из списка Полу Абдул, Мадонну, Принца и пр., а также «тяжёлый период»). Затем были «АукцЫон», «Вежливый отказ», Чёрный Лукич, Янка, Манагер, Б. Г., «Крем»... нет никакой возможности исчислить всех. Да и нет нужды. Я хочу лишь сказать, что музыка окунула меня с головой в литературу, а потом и в тот раствор, который принято называть «литературным трудом». Итак, выделю*

двух: Летов и «Аукцион» (Лёня Фёдоров). Есть ещё Саша Башлачёв (упокой, Господи, его душу), но это совершенно отдельная статья.

Как-то летом 93-го или 95-го, не помню, года, один мой друг, который когда-то учил меня играть на гитаре, вынес на лестничную клетку, где мы курили и пили, книжку карманного формата. И вслух прочёл из неё рассказ. Рассказ назывался «Городские дни». После него во мне нечто произошло, всё как бы встало на свои места. Я словно понял, что к чему; понял, что и как нужно делать. «Музыка и слова слились во мне» — так бы я определил. Разумеется, я прочёл всё, что было доступно, а доступны были «Шатуны», «Голос из Ничто», «Крылья ужаса». Как раз где-то в это время я поступил в университет. Там читал всё подряд, в том числе то, что не читал в школе. Пил, писал стихи, рассказы, рисовал, сочинял песни. Золотая пора. Не учился вообще. Записал ряд самопальных музыкальных альбомов: «Билет “Б”», «День независимости», «Стандартный взгляд на слепых», «Гладь Обл», «Механизмы вещизма» и др.

...Моя дипломная работа называлась «Метафизический реализм в творчестве Ю. Мамлеева. Постановка проблемы». Мамлеев — единственный писатель, радикально повлиявший на меня, на моё писательство, на мою музыку. Я не говорю о других писателях, я говорю о силе воздействия».

Мы предлагаем читателям небольшую книгу стихов и прозы Ильи Егармина, хотя написано им уже немало. И мы несколько не удивимся, если чья-то жизнь вдруг изменится после знакомства с произведениями этого автора: «Нет спасенья от хода мысли / Вот крещение прошло крестины / Вот смотрю на набор крестильный / В опустевших зрачках бессилье / Как я рад в самом деле рад / Под водою дома горят / Пруд стоит под осенней мелюю / Я держу тебя свят свят свят / Нет спасенья от бега крови / Кровь мою замети метель / Дверь закрой постели постель / Нет покоя в бегущей крови / Только сон. Только сон как зверь».

Инна Васильева
Дмитрий Цесельчук

* * *

Белые тёмные
Брызги
Зелёных железных
Птиц
В городе бронзовых улиц
Что-то читалось в небе
Огненная резьба
Ставни рвались в застывающий
Вихрь красок
Резцов
Выковал наковальню
Чёрный кузнец реки
Вяжутся смыслы цепями
Рифмами конформизм
Ложится мышиными крыльями
На глаза
Улетают ураганы слов
Стеклянных листьев безлицых
Снег подметает
Глаза обезвоженных
Огненных граней
Глючных страниц
Ржавое от слёз лицо
Ржавые руки подъёмных кранов
На потолке
Обгорелая тень
Электричества
Красная пыль устилает
Постели для птиц
Безгвоздевые дома
Вырастают из тесных шкур
Сакральности.

* * *

Под вечер из носа
Вылезли два вопроса
По лестнице
Бог спускался
И торс его был из
Воска
В подъезде шумели
Крючья
Цепляя старух за сучья
    Ты сказки мне не рассказывай
    Ты деньги на телефон
    Затылок кишкой подвязанный
    Качается маятник он
А в поезде были девушки
Шампанским залито купе
Тут свадьбу играли дедушки
Плясал солдат на крупе
Сидели мы тут на скрипках
И вены текли по усам
В ушах от ступеней скрипко
С небес спускается САМ
Несёт он свечу на блюде
А также луну в ведре
Несётся поезд дерутся
Солдаты в пустом купе
    И вот под вечер из носа
    Вдруг вылезли два колеса
    Одно из них было из
    Леса
    Другое из алебастра
    Свисали глаза в небеса
Дрались солдаты невесты
Дорогой за старый тулуп
Расшитая снега завеса
Дарила уют
Невеста в коже солдата
Качалась в тамбур курить

Промчался поезд когда-то
Нельзя повторить
    Гитара уже не просится
    И выплюнув грязь стихов
    Поэт под корягу косится
    Набравшись грехов
Сказал он девица ясная
Заляжем с тобою
На дно
Не верю я в жизнь напрасную
И пью я вино
Хорошие рифмы ясные
Летят с языка
И громко спросив у ясеня
Причём тут рука
Поэт отрубил себе
Руку как вор
И вот выходные без снега
Несётся свадебный поезд
Во весь опор
С неба.

* * *

Табачные зубы
Мозг превратился
В газ
От этой учёбы
Оставшийся глаз погас
И нижняя челюсть
Огромная словно череп
Когда ты купалась
Тебя увлекла на дно
Табачные зубы
Крошатся
Сны приелись
Глазницы пустые
Глотают жизни кино.

ЮГ

Кровавые краски жары
На овощном базаре
Чёрные тени слепых
Обещаний
К морю торговому
Огромным шуршанием
Магнолий
Осторожные вздохи моря
Слушали красные
Лапы цветов
Свесились вечером
К тёмному теплу невидимых
Лиц
Разговаривать
О гирляндах мыслей
Электричества
И снега
Власть кораблей
Над мясом снеговиков
Только прибой качает их
Чёрные шляпы
Шепчут коляски цветы
Чают баюкать югом дух
Спишь?
В расшитой темноте ковров
Томный узор ход.

ЛЕТО

Экспорт экспертов
В чёрные дыры гроз
Принял прозрачную пищу
Сидящий на шпильках
Звуков

Приказ по проказе успешно
Прошёл молву
И сруб был поставлен
Грубой зимой во тьму
Босыми ногами стеклянных
Прозрачных луж
Держались руками
За тени
Ослепших объятий
Лета
И строгих цветных
Потёмок узоров углов
Скрипящих калиток в
Пруды зелёной ночи
Ты помнишь
Рассыпался хвоей шёпот
Май
Электрические концепции закатов
Речных городов
Где колёса на все времена
Влажные части шёпота
В воздухе...

СЕЛЕНОФОБИЯ

Маше

Дочь боится луны
И ручонками
Держится цепко
За папкины
Тёмные плечи.
Папка пугало
И стоит
Под дождём не один эон
Снегом смотрят его глаза

Но игрушки подарит он
Не сыскать таких
Хоть обшарь весь дом
В мире этом и в мире том...
Он расскажет про долгий
Путь
И его деревянный перст
(то ль в верёвках он
то ль в бинтах)
На луну указывает: здесь
Всё рождается
Ужас и страх
И игрушки чудные рыбы
Все игрушки мы. В чьих руках?
Среди звёзд стою столько лет
И ни разу Бога не видел
Сто скелетов сменил поэт
Я поэтом быть ненавижу
И сейчас я дочка поэт.
Хорошо стоим!
Не бойсь луны!
Ещё есть места
Где дома полны
Хоть и востр и жуток рог месяца —
Золотым вином
Мы с тобой пьяны.

* * *

Перевёрнут стакан
И морочится ересь в душе
Вот на крышу ползть
В снегопад
Или к теще с ножом
Так сказать «подойти»
Прошептать
Если радуга ты то простишь

Мотылём полететь
Над копнами церквей
Над стогами волос
Бросить вызов душе
Крикнуть слышь
Где живёшь
На каком этаже
И круженье старинных
Окон
Над сухою моей головою
Шепчет странные мысли про сон
Будто мы не простимся с тобою
Ладно чушь
И кружится летучая вошь
Перевернут стакан
На уме стёкол звон
А на вырванном языке
Ложь.
Да, ложь.

* * *

Солёным прибором горем
Плевал на восторг запоем
Концом приближалась трезвость
Венцом из огня и стали
Мы оба с тобой устали
Но деревце за окошком
Светило и напевало
Снегами и навевало
Забудьте и всё сначала.

ТАЙНА ТАЙН

Есть воистину
Тайна Тайн
Ты ведь знаешь
Что это так
Оттого-то и здесь
Никак
И в отчаянье спит дурак.
Всё что познано
То мертво
Так сказал он себе во зло
Так он мир превратил
В ничто
И остался один везде
Поцелуи как штукатурка
Суший снег уж
Давно прошёл
Стих такой на него напал
Только пьяным ему хорошо
Даже сон от него ушёл
И картинки свои забрал.
Брат ты веру свою зарыл
Шибко гордый а что в итоге
И концы и начала забыл
У зимы на пороге
Слепит снег ощупью в лесу
Ты берлогу обрёл пустую
Но и здесь тебе не уснуть.

* * *

Нет спасенья от хода мысли
Вот крещение прошло крестины
Вот смотрю на набор крестильный
В опустевших зрачках бессилье
Как я рад в самом деле рад

Под водою дома горят
Пруд стоит под осенней мглою
Я держу тебя свят свят свят
Нет спасенья от бега крови
Кровь мою замети метель
Дверь закрой постели постель
Нет покоя в бегущей крови
Только сон. Только сон как зверь.

* * *

Мы спим в земле
Аптека ночь луна
И солнце на луне
И все дела
Дотла сгорели поздние
Стихи
Лошадки ночи улицы
Звонки
Сегодня день седьмой
Мощёный день
Я улетаю вечером домой
Снега запоминают облик мой
Снега напоминают
О весне
Они летят и светятся
Во сне
О свечи водоносы
Дивный сад
Машина сна печатает
Назад.

* * *

Задует ночники в очах
Помчимся вскачь да на ночах
Твоя ночь город чар

Моя ночь город шар
Завоют ночники в ночах
Помчимся вскачь на палачах
Палач твой над Невой
А мой палач немой
Идёт палач мой весь в свечах
Палач мой как Нева в плечах
В его очах земной очаг
И неземной рычаг.

* * *

Наледи на часах
Снег на вокзале сплю
Память на небесах
Громкое птичье лето
Светлый лесок родник
Синей клюкой на Север
Смотрит в замочный
Блик
Озеро в Бологом.

«ПОЭМА»

Вот стоит перед тайной
Жилец
Когда всё уже здесь
Занялось
Ни домов ни людей
Всё сбылось
Ни телец кровяных
Ни тельцов золотых
Только май в небесех
Ледяной фиолетовой мой
И стоит перед гробом мертвец
Как живой

Не умру не умру не умру
Даже в смерти своей я в миру
Голосит
Засыпая стремглав
Словно птицы в его голове
В летнем небе
По чёрной траве —
Это просто лицо красных рыб
Это дивы часов
Меры дыб
Нас не смерить по церквам отец
Не смирить
Жёлтым знаком огня
Да и смертью нас не покорить.
Я купец пламенистый даров
Я торгаш благодати ворец
В пене глаз
Прошлый стонет пятак
Я свечной
Я хожу по реке
Там мерцающая алмазами
Блях
Обымая там девочек мух
Сам парю
Много знаков в душе
И не вырвать одно из двух.

И февраль подметает
Бульвар
Фонарями мигая как вор
Уже вечер
Река на забор
В пьяных травах
Всему вопреки
Ночь целую я целую ночь
В ней ночью ломая цветки.

Сколько слёз Боже мой
Сколько звёзд
«Бездне звезд» вопреки
Ляг на крест
А распяться сумеешь хоть раз?
Верхний слой головы очень твёрд.
Вон идут ледоруб топор
Покорись
Ведь который раз
Нам пытаются вставить глаз.

...Но всё без толку...

Я не верю своим глазам
Как прекрасен весь мир
Весной
Шёл нацист и блевал слюной
По струне натянутой мной.
Вот сорвался
Башку снесло
Покатилась по мостовой...

Тяжело пусть здесь
Пусть легко
Всё одно —
Ты глуши вино
Дочь целуй
Обнимай жену
И молись за свою страну.
Вот молитвы на каждый
Миг
Перед гробом стоит мужик
Каждый миг перед гробом, а не
Через тысячу лет во мгле.

СНЕГОВИК

Козловский. Это моя фамилия. Меня можно было бы обрисовать карандашом по контуру, для ясности, но контур мой и так виден, пусть призрачно, но всё же виден.

Я подхожу к окну. Под моими веками гуляют сквозняки. Это сквозняки весны. Все слова, что умерли вчера ночью в моей голове, я сегодня перевожу на бумагу. Лучше никогда не проговаривать слов внутри себя, иначе пожнёшь трупы и вонь. Но, увы, — мечты, мечты. Воображение.

Под полуприкрытыми веками Козловского гуляли весенние сквозняки. За окном, забрызганным холодными каплями мартовского дождя, шевелились голые деревья, а по талой воде проходила порывистая рябь. Козловский не пил несколько дней, и сейчас обдумывал это. А глядя на ненастье за окном, думал об агрессивности ветра, агрессивности шевелящихся деревьев и агрессивности рисунков на воде.

Снег сходил. Солнце изредка прорывалось и раскаляло комнату Козловского добела. Козловский давно не выходил на улицу — многообразные звуки города (вопли машин, лай собак, чудовищное молчание Москвы-реки) сводили его с ума. Но даже здесь, в комнате, полной битого стекла и невыносимого жара, Козловский затыкал уши специальными затычками. Эти затычки значительно усиливали жар в голове. Но создавали тишину.

— Тишина эта, — говорил обычно Козловский, — только внешняя. Она мне совершенно не помогает, от неё никакого толку.

А толку действительно не было никакого. Стёкла, разбросанные по всей комнате (недавно Козловский разбил себе об голову стакан), — эти стёкла были крупные и мелкие. Пылесос сломан, а руки Козловского не работали. Это была такая болезнь или это только так казалось.

Глядя в окно, — с трудом написал Козловский, — я вижу, как шевелятся деревья, вижу, что небо становится всё синее, особенно по ночам. Фонари по ночам горят с переменным успехом, но, тем не менее, в моей комнате ни разу не бывало полной темноты. А темнота, говорят, помогает людям, даже таким, как я. Хотя в детстве я очень боялся

темноты. Да... Родители рано положили меня спать в отдельной комнате, и однажды ночью я почувал неладное: кто-то приближался ко мне. Кто-то находился в моей комнате, но я онемел под одеялом. Я не мог, да и не хотел ничего предпринимать. А потом в полосе уличного фонарного света на полу я увидел старомодные остроносые ботинки и тёмный контур широкополой шляпы. Это был Дьявол. Но мне никто не поверил, потому что этим Дьяволом был я сам.

Сейчас, чтобы внести в свою ночь хоть частицу темноты, я купил чёрное постельное бельё: чёрная простыня, чёрный пододеяльник, чёрная наволочка. Всё. Полдела сделано. А остальную половину сделать не представляется возможным — фонари по-прежнему мигают, а бракованные стеклопакеты (нам их устанавливали на халяву, когда ремонтировали дом) пропускают с улицы шум уборочных машин, которые медленно, с вязкими, заторможенными мигалками, проходят прямо под окнами в 3 часа ночи. Мне кажется, что темнота и шум несовместимы.

Всё это я пишу, чтобы разговаривать с вами. Потому что иного способа выйти на контакт нет. Я обитаю в мире, настолько чуждом миру людей, что мне необходимо полностью перестроить мыслительный и речевой аппараты, перекроить кожу, изменить химический состав крови, а самое главное — изменить стиль одежды и манеры поведения, чтобы быть хоть сколько-нибудь адекватным, находясь в обществе. Можете считать это гордыней.

А что касается света и тьмы, то после прихода Дьявола я стал спать с ночником, но этот ночник создал новые прецеденты, — блуждание теней и их звуков. Я спал с ночником лет до 18, после чего неожиданный и совершенно новый ужас пронзил и обездвижил меня. Страх перед темнотой полностью исчез. Я даже стал искать темноты. А снаружи ничего не было, кроме шевеления старых тряпок, урчания воды в ночных трубах и скрипучих фонарных теней.

Не знаю, почему я полюбил зиму. Медленно падающий снег. Тускло-зелёные фонари. Уютное завывание метели и лёгкое колебание ставень. Словно плавно бегут белые волны...

В детстве я видел смерть несколько раз. Однажды, когда мне было лет 12, мы с другом возвращались на троллейбусе с толкучки, где продавали популярные в то время наклейки «Италия-90». Троллейбус уже повернул на нашу улицу, когда мы обратили внимание на большую толпу народа, сгрудившуюся возле одного из подъездов старой синей двадцатидвухэтажки (редкие и страшные дома). Недалеко от толпы стояла реанимационная машина.

Мы заинтересовались и вышли на ближайшей остановке. Накрапывал мелкий осенний дождик, ветер срывал листву с голых деревьев. Подойдя к месту скопления народа, мы сразу увидели причину этого скопления — на асфальте лежало как-то неестественно вывернутое тело молодой женщины. На шее женщины была верёвка. Рот женщины с тонкими осколками зубов был широко раскрыт, словно она беззвучно, но неистово кричала. Глаза-пуговицы — полуприкрыты. Рядом, на асфальте, лежал мозг этой женщины. Этот мозг, разлетевшийся от удара на куски, лежал в луже крови, и на него уже набросили белую тряпку, но её сдуло ветром, и она зацепилась за ветви какого-то дерева. Я внимательно смотрел на куски мозга. Они были бело-розовыми и чем-то напоминали консервированное крабовое мясо. Помню, я никак не мог понять: почему веревка на шее? Женщина, как сказали, выбросилась с 14 этажа. Так вот, на мозг я смотрел спокойно, а грязная верёвка на шее меня напугала.

Другой случай. Работница нашей АТС выбросилась (или выпала) из окна своего кабинета на 8 этаже. Удар пришёлся прямо головой в асфальт. Мы, помню, часто потом ходили смотреть на эту вмятину — круглая лунка в асфальте с рубиновыми вкраплениями. Эта вмятина долго не исчезала; зимой её заносило снегом, а по весне мы видели её вновь. Может быть, она и сейчас там, не знаю, ибо я давно покинул те места и живу теперь в центре Москвы, где воздух далеко не так чист.

Об остальных случаях умолчу, они не настолько запомнились. Да и эти потихоньку блёкнут — водка высушила процентов сорок моей памяти.

Также я часто находил деньги. До определённого возраста, лет до 12. Рубли, тройки, пятёрки. Чаще всего рубли

и тройки, а по тем временам это были серьёзные деньги. На три копейки можно было напиться газировки с сиропом, а на 1 рубль сходить в видеосалон на «Красную жару» (тогда название этого фильма почему-то переводили как «Красный полицейский». Не исключено, что оба перевода верны, равно как и наоборот»).

Но мимо, мимо. Только вот, куда «мимо»? Написать роман? Написать роман для меня — сущее заподло. Я почти уверен, что никогда не напишу его. Я вообще не понимаю, как человек может написать роман. Это ведь требует терпения и усидчивости, а это всё не про меня. Я катастрофически ленив. Все явления генерируются во мне по образу и подобию взрыва, — я могу уложиться на нескольких страницах. Но это будет концентрат. Не размазывание соплей, а именно концентрат соплей. Вы можете положить его себе под язык и отправиться странствовать. И в каждом окне поезда вам будут сниться сказки Андерсена. Под «каждым окном» я разумею те виды, те города и селения, которые вы будете проезжать, храня мой концентрат под языком.

В одном из «посланий» Козловский написал: Я бросил пить и, разговаривая с бумагой, рисую себе картины мира. Как этот жгучий мартовский ветер рисует картины своего мира на воде. Страшно существу, заброшенному в это море. Завтра или послезавтра, или Бог знает, когда, будет единственный день, когда наступит сегодня. Я уйду вдаль, и двери со скрипом закрывают глаза. Никто здесь не скажет мне, праведен я или грешен, лжец или же с моих уст слетает истина. Никто здесь не скажет мне, кто я. Завтра жена возвращается утренним поездом, но что мне от этого? На столе, в вазе, её ждут свежие лилии, их аромат наполняет всё моё жилище и всё моё ожидание, но какой мне от этого прок, если я не знаю, кто я? Снег сходит с крыш. Воды стремятся вперёд, унося сигаретный дым, осколки и воспоминания. Потом наступает вечер, и двери со скрипом закрывают глаза.

В конце марта Козловский всё же решил выйти на улицу. Синие весенние сумерки стояли на лестничной клетке, и спускаться вниз было легко.

На улице Козловский вдохнул полной грудью. И зажёл сигарету.

Козловский двинулся вперёд; голые ветви и фонари поплыли над его головой. В сточных канавах шумела вода, и коты пели, как дети. Кругом, куда ни глянь, синел оставшийся снег, и свет его проникал в самую глубину глаз. Сердце Козловского тревожно билось, а его неопрятный внешний вид, — следствие долгого затворничества, — в этих сумерках не особенно был различим. Тем не менее, ботинки Козловский надел поверх домашних тапок, а старое демисезонное пальто в клетку — поверх полосатой пижамы. Домашний галстук и ночной колпак также присутствовали. Сердце тревожно билось. Такой наряд, — подумал Козловский, — может не понравиться даже собакам. Вертикальные же существа просто выбьют зубы и глаза.

Но Козловский не являлся безоружным человеком. Во внутреннем кармане пижамы у него находился стилизованный под маузер газовый пистолет. Газ в нём был просроченным, но нервнопаралитическим; можно было свалить быка. По крайней мере, большого быка.

— Боже, во что я превратился, — разговаривая сам с собой, произнёс Козловский. — Не пью всего неделю, а чувствую себя живым пугалом огородным.

Козловский поднял глаза к фонарю, под которым остановился. Фонарь приглушённо мерцал и как бы стеклянно говорил.

— Да, — продолжал Козловский, продвигаясь дальше под бесшумными деревьями. — А в тапках тепло. Как в носках... Зима, всё-таки, спокойнее, — чуть не вскричал он, но тут же зажал рот руками и огляделся по сторонам. Мимо него, цокая, прошла молодая женщина в обтягивающих латексовых сапогах.

— Серебряное копытце, — прошептал Козловский, провояя женщину указательным пальцем. — Цок-цок-цок. А без сапог будешь на две головы ниже меня. Вот тебе и всё серебро. А что, если откусить тебе каблучки, как тогда пойдёшь? На цыпочках? Будто воровка?

Козловский махнул рукой и отвернулся в другую сторону. Неожиданно его внимание привлёк странный звук. Он прислушался. Что-то тяжёлое, металлическое скребло по асфальту. Козловский пригляделся. Двигалась крышка канализационного люка. Через некоторое вре-

мя из люка показалась лысая голова в оранжевой каске и круглых очках.

— Добрый вечер, — произнесла голова. — Как поживаете?

— Хорошо, — сказал Козловский.

— А зачем вы так поживаете? — сказала голова и высунулась по пояс. Это был коренастый старик в тёплой брезентовой куртке. В одной руке он держал связку ключей, в другой — лампу с зелёным абажуром. Козловский не нашёлся, что ответить.

— А что, если поджечь твои потные яйца, а? Как вы считаете? Шучу. Как ваше имя?

Козловский зажёл сигарету и назвалса.

— Хорошо, — произнёс старик и вылез полностью. — А я Антуан. Но будет лучше, если ты будешь называть меня Антоном. Я во Франции жил-то всего один день. Включая дорогу туда и обратно. Поэтому Антон.

— Сигарету, Антон?

— Пожалуй, нет. Не курю.

Старик поставил лампу на асфальт, возле люка. Лампа струила мягкий зелёный свет.

— А как она работает? — спросил Козловский.

Старик поднял глаза к весенним звёздам.

— Беспроводная, — вполголоса произнёс он. — На аккумуляторе. Скоро сядет. Гаснуть будет медленно, как свет в кино. Мы и не заметим, как она полностью исчезнет. Да и мы тоже.

Старик понюхал воздух.

— Сколько сейчас времени? — сказал он.

— Я не знаю, — сказал Козловский. — У меня часов нема. Все часы дома.

— Слушай, не впадлу, сбегай, посмотри? И вынеси два стакана.

— Чёрт с ним! — сказал Козловский. — Спросим у кого-нибудь.

— Стаканы спросим? — прищурившись, сказал старик.

— Время, — сказал Козловский. — Стаканы купим.

— Ну, это уж по твоей части. Я уже лет двадцать ничего не покупаю. И тебе не советую. Короче, не хочешь идти домой, — не надо. Но в этом был смысл.

Старик извлёк карманные часы на цепочке, откинул крышку. Под крышкой оказался белый порошок.

— Будешь? — спросил старик.

— А что это?

— Снег. Он под землёй лежит круглый год. Отсыпь себе и нюхай.

— Да ты гонишь, дед. Какой снег? Снег такой не бывает.

— Ты-то почём знаешь, какой он бывает?

— Видел.

— «Видел». А кроме того, что видел, — ничего не видел. Бери и нюхай.

Козловский отсыпал себе немного белого порошка. Уже полностью стемнело, но небо над головой было кристально синим. Тёплый ветерок трепал верхушки тополей. Козловский вдохнул левой ноздрёй. Фонарь, качнувшись, мигнул над ним. Старик внимательно смотрел на лицо Козловского.

— Ну как? — сказал он.

— Холодно, — произнёс Козловский. — Левая половина тела как будто под наркозом. Вся заледенела. Ничего не чувствую.

— Отлично. А теперь другой ноздрёй.

Козловский вдохнул правой ноздрёй.

— Ну? — сказал старик.

— Ничего не чувствую, — сказал Козловский. — Тело словно исчезло. Мне даже кажется, что я ничего не вижу. Вернее, как будто кажется, что вижу.

— Смерть наступит часа через два, — сказал старик. — Покамест можно пройтись.

— Какая смерть? — сказал Козловский.

— А тебе не всё равно? — петухом закричал старик.

— Как будто бы да, — ровным голосом произнёс Козловский. — Белое всё.

— В каком плане белое? — прищурился старик.

— Всё белое. Деревья, дома, — Козловскому показалось, что он поёт. — Ты тоже белый. Небо белое, а уже ночь.

— А луна?

— Луна тоже белая, чёрт возьми. Даже не знаю, как это объяснить.

— Не надо ничего объяснять. Вали всё на меня.

Старик вырвал из бороды два волоса и завязал их в узел: — Снеговик будь снеговик. Светила свергну корона шар огонь катись по изнанке. Снеговик, то есть Снежный человек.

Козловский печально закрыл глаза.

Снежный человек, или Снеговик, открыл глаза. Он стоял у входа. Огромный храм был едва различим в густой снежной пелене. Опускались сумерки. Снег ложился в нечувствительные ладони. Колющие иглы.

В храме пели. Снеговик огляделся. Похоже, что он в тихом провинциальном городе; сквозь снег и сумерки мерещились покосившиеся заборы, мутные, красные окна в приземистых домах. И воздух. Воздух здесь как-то невысказанно чист. Снеговик пошевелил ноздрями. Слеплен он был на славу; череп глухо сдавило настоящее ведро. Под этим куполом, словно эхо, словно летучие мыши, — призрачные вибрации ума.

Снеговик был жив. Вдалеке лаяла собака. Едва слышно шумели сосны над головой, и слёзы подступали к горлу от вида этих тусклых лубочных огней в окнах. Я чувствую, как звенят ключи у меня в ушах, — сказал Снеговик в снег. Тайные подземные воды у меня в ушах; они омывают мой раскалённый добела мозг. Раскалённый, так сказать, «обратным» огнём. Что же это за город? Вот узкая улица, петляя между заборами, уводит круто вниз. В овраг. И в овраге тоже приглушённые огни, приземистые силуэты домов. И всё здесь дышит тишиной и пространством.

Надо идти. Но куда идти? Снежный человек сделал шаг в сторону храма. Двери были открыты, и в глубине туманно мерцали огни. Снежный человек прислушался, остановившись в дверях. Понюхал воздух. Пахнет ладаном, как обычно, однако поют, как показалось Снежному человеку, несколько странно, не то. Это необычная служба, — сказал сам себе Снежный человек и вошёл в храм. В густом сумраке свечей видимость слабая. Практически ничего не представлялось возможным различить. Контуры тёмных фигур в длинных одеждах. Снежный человек вгляделся в полумрак. У алтаря, едва различимый, стоял операционный стол, на котором, как будто, лежало тело. Интересно, верующий ли я? — сказал Снежный человек. Его снежные глаза

постепенно привыкали к темноте, будто таяли. На операционном столе у алтаря действительно лежало тело, завернутое в белую материю, и только наголо остриженная голова неловко, нелепо торчала. Голова была словно в испарине; коричнево-золотой свет лизал её. Снежный человек поднял глаза на огромный, тёмный иконостас и ещё раз спросил себя, верующий ли он. Сложный вопрос, — сказал сам себе Снеговик. Может ли быть хоть крупица веры в существо, вылепленном из снега? За храмом протекает река, названия её я не помню, врать не буду; так вот: если Снежный человек сумеет переплыть её... Войти в эту тёмную, в снежных звёздах, воду... Плыть-то всего ничего. Потом выйдешь на том берегу... Снежный человек смотрел на то, что происходило в храме. Он заметил, что «Снеговик» и «Снежный человек» — совсем не одно и то же, хотя эти два «понятия», безусловно, указывают на одно и то же существо. Но Снежный человек, как казалось, мог войти в реку и переплыть её, а Снеговик — нет. Вот и вся разница, — сказал Снежный человек. И в этом заключается вопрос веры Снежного человека-Снеговика.

Между тем по покойнику на операционном столе служили панихиду. Снежный человек понял это загадочным снежным чувством, несмотря на то, что всё было очевидно. Языки свечей вяло лизали обриту, словно смазанную машинным маслом голову усопшего.

— Трепа-ан! — низким, словно подземным голосом пропело существо в тёмной длинной одежде и клобуке. Да, так это называется. Клобук. Лица не видно, только широкая, чёрная борода.

— Трепа-ан! — подтянули высокие голоса с хоров.

Неожиданно всё замерло, и в тишине раздался тонкий, приятный для слуха Снеговика визг. Вздригнуло паникадило, обдав Снежного человека облаком нежного, необъяснимого аромата. Он даже увидел его цвет — зелёный. «Святая ночь». Трепан, клобук. Мне, вроде как, знакомы эти наименования. Особенно трепан. Приятное металлическое жужжание наполняло храм. Неожиданно усопший пронзительно закричал:

— Не-ет!!!

Страшным, медвежьим голосом.

— Да-а-а! — глубоким басом в унисон пропело несколько голосов.

— Да-а-а! — послышалось с хоров.

Прихожан было немного. Оперировал крошечный человек (послушник?). Скорее, даже не послушник, а трудник. Оперировал неумело, — даже для Снежного человека, ровным счётом ничего не смыслящего в медицине, это было очевидно. Крышку черепа усопшего грубо, с треском, вырвал, словно выломал. Так не годится. Что-то потекло по полу, а трудник, лицо которого было сплошь замызгано, покорно перекрестился и с улыбкой бросил трепан в пропитанный ладаном воздух. Инструмент ловко поймал левой рукой высокий иеродиакон в огромных квадратных очках.

— Скальпель! — подземным басом пропело существо в клубке.

— Не-ет!!! — страшным голосом кричал усопший.

— Да-а-а!

Снежный человек подошёл поближе, чтобы рассмотреть всё происходящее. Он разглядел заляпанный кровью операционный стол, грязную простыню, в которую был завернут усопший, забрызганное лицо усопшего, который отчаянно моргал кровавыми глазами и кричал «нет», на что ему неизменно отвечали «да». Затем подошёл трудник со скальпелем и начал неистово кромсать торчащий наружу мозг усопшего.

— Вот тебе, вот тебе, понял? Да? Не будешь баб монастырских щупать, гнида. И кошек монастырских жрать не будешь.

Трудник бросил скальпель на пол и запустил руку в череп усопшего. Вырвав какие-то ошметки, он засунул их в рот и начал жевать.

— И елду отрежу, — с набитым ртом произнёс трудник. Лицо его было грязно, право. Снеговик даже усмехнулся. Прямо как ребёнок, который ест варенье, запустив в банку обе руки, — решил он.

Снежному человеку порядком надоел весь этот цирк. Он повернулся к выходу. По пути он обратил внимание на то, что место, в котором он находится, — это и храм, и операционная, и что-то ещё. И то, что он видел вокруг себя, было

красноречивее и выше его слов. Снеговик устал. Ему хотелось спать. Он стоял на высоком берегу реки и смотрел, как вдалеке по мосту едет освещённый трамвай. Словно игрушечный. Крошечные квадратики окон. В них — крошечные круглые головы. Шуты гороховые, — сказал Снежный человек. Скальпель, трепан, трамвай.

Он медленно брёл по узкой, петляющей между заборами улице. Улица уводила вниз, по всей видимости, к источнику. И действительно, в скором времени ноги Снежного человека коснулись деревянных ступеней. Он начал медленно спускаться, окутанный снегом и сумерками. Здесь должны быть какие-то фонари, для ночных купальщиков, — тихо произнёс Снежный человек. Но вокруг царил синевато-белая мгла. Снеговик спускался всё ниже, держась за деревянные перила. Лестница едва слышно скрипела под его ногами. Здесь нет ничего удивительного — эти ступени старые, как мир. Случается, конечно, что спуски к источникам ремонтируют... А вот и конец пути. Снежный человек ступил на широкую деревянную площадку. Как здесь тихо, — сказал Снежный человек, — слышно, как падает снег. В белёсой темноте он различил приземистый деревянный домик, — купальня. Снежный человек прислушался, но плеска воды не услышал; купальня была пуста. Откуда-то возник большой кот, окрас которого в сумерках было сложно определить (скорее, синий), и, подойдя к Снежному человеку, начал тереться о его ноги. Да, — сказал Снежный человек, — бывает, что всё складывается как нельзя лучше. Ткань истории, верная, как паутина, смело выныривает из-под твоих заботливых пальцев. Некоторое время ты, умиротворённый, любишь улетающим вдаль узором. Но это ничего не значит. Вот и сейчас (Снеговик погладил кота по голове), казалось бы, реальнее некуда — я и ты, мы с тобой здесь, на этой площадке, перед входом... А моя голова словно забита невидимым мусором. Подошвы ног ощущают облещенные доски... Одним словом, — есть почва, твёрдо стою на ногах. И всё равно ничего не вижу. Да... Иногда тебе кажется, что ты идёшь правильным путём, и мир тебе отвечает. Но на самом деле это ничего не значит. Разве может быть хоть крупинка веры в существо, вылепленном из снега?

Кот, урча, крутился около Снежного человека.

— Надо идти, — произнёс Снеговик. — Пойду. Пожелай мне удачи.

Снеговик со скрипом открыл дверь купальни, ступил на обледенелый пол. Было темно, только перед образом Казанской Божьей Матери в углу мерцал зелёный огонёк. Ступени вели в тёмную воду. Держась за шаткие перила, Снеговик начал спускаться. Ему вдруг показалось, что кот стоит за его спиной на задних лапах и, подняв керосиновую лампу, освещает ему путь. Ноги вошли в воду, сначала правая, потом левая. Это, видимо, потому, что я правша, — тихо сказал Снеговик. Над его головой поскрипывала керосиновая лампа; её свет глядел в воду, но ничего не видел. А иногда Снежному человеку казалось, что это его собственные глаза излучают керосиновый свет. Спускаюсь. Он вошёл по пояс. Температура воды была обычной. Ноги Снежного человека коснулись каменного дна. Неглубокая купальня. Придётся сильно присесть. Керосиновая лампа погасла. Снеговик перекрестился и нырнул с головой. Трепан, клубок, — подумал он. Он вынырнул, перекрестился и снова нырнул. Ничего. Под водой темно. Снеговик хотел подольше оставаться в её объятиях. Вода заполняла лёгкие Снеговика своим ледяным дыханием. Снеговик вынырнул, перекрестился, нырнул в третий раз. Перед глазами мерцал белый, исчезающий крест. Помню, как креститься, — сказал Снеговик. — Правильно крещусь. Он вынырнул, нащупал перила и, отдуваясь, начал выбираться из купальни. Зелёный огонёк провожал его. Снежный человек открыл дверь и вышел на воздух. Кот, покрытый снегом, сидел у входа в купальню.

— Хорошо, — сказал Снеговик, проведя ледяной рукой по пушистой спине животного. — Бодрит. Слушай, что же это за город?

Снеговик присел на скамью недалеко от купальни; тёмная вода ручьями стекала с него. Кот тоже подошёл. Снеговик закрыл глаза, слушая невообразимую тишину. Кот запрыгнул к нему на колени.

— Кажется, что город наверху погружен в сон, — тихо произнёс Снежный человек, не открывая глаз. — Но на самом деле, это иллюзия. Потому что на самом деле он объ-

ят пламенем. И дома движутся со страшной скоростью. Но жителям удобнее думать, что это не так.

Снеговик снял с головы ведро и поставил его на доски, кверху дном, как оно и было надето.

— Пригодится кому-нибудь, — сказал Снеговик. — Хорошее ведро, а воды здесь — навалом. Пойдём домой.

Встав со скамейки и осторожно держа на руках кота, Снежный человек начал подниматься по лестнице.

ДРЕВНИЕ

Видишь ли, бывает вот как... Ты садишься в автобус, знаешь номер его и знаешь, что по определённом маршруту следуя, он тебя домой доставит. Не смотришь в окна. Веришь тому, что свершается каждый день одинаково. Устал и не смотришь в окна.

А если автобус пойдёт не так, а? Ну, собственно, так и случилось. Вечером поехал ты на своём номере; порядок. Смотрел минут двадцать в пол или в книгу. А потом глядь, — местность-то незнакомая совсем. Дома слишком грязные, что ли... Окна более тусклые, чем у тебя. Ну, это, видимо, оттого, что грязны дома эти. И окна грязны. Туман висит во дворах гигантскими рваными облаками. Сырой, страшноватый. Как во сне. Да, — бельё на веревках. Погода — ноль. Пасмурный, слабый вечер. Вечер слабости.

Вышел ты, Козлов, из автобуса. И ты, Козлов, задал вопрос первому попавшемуся человеку: «Где я?» То есть, конечно, формулировка не такая, а другая. Кто же так спрашивает: «Где я?» Тут и за бесноватого примут. Лучше спросить по-другому. И ты, Козлов, спросил вот как: «Скажите, а что это за остановка?» Ты даже не так спросил, Козлов, а спросил ты таким образом: «Скажите, а это какой автобус?» Такая формулировка ближе к психическому состоянию.

И страшный, грязный, зловонный старик ответил Козлову в такой форме: «Твой автобус. Твой».

Вечереет в незнакомом месте. Слабый ветер шевелит призрачным бельём в глухо-глубоких, черновато-сырых двориках. Вечер в незнакомом месте — это всегда тяжело для психики. Неуютно.

А старик этот ещё говорит:

— Заблудился, мертвец?

— Я? — спросил Козлов, и огни домов в его посиневших от вечера очах тускло вздрогнули, словно во сне.

— Ну не я же, Матерь Божия, а? Я-то у себя, а вот ты — где?

— Я?.. Я... заблудился..., — задумчиво, по-вечернему, по-лесному протянул Козлов.

— Во-во, — подтвердила старая машина.

Автобус отошёл во мглу. И Козлов разглядел синие, холодные пустыри. Тёплый, ржавый ветер бормотал в шевелящемся железе смутных вывесок, заборов. Вечер опускался, как галлюцинация.

— Дворики-то — чудо, — посмотри! — кряхтел старик на остановке, стоя там с Козловым. — Язычество. Собачки спять... Почти Кашмир, а? Золото — не ночь... Пошли ко мне! Ночуешь.

— Да я...

— Чево?!

— Я, это...

— А? — захохотал старик. — Пошли, — добавил он и вдруг потащил Козлова вглубь дворов.

— Да погодите..., — упирался Козлов. А дед тащил его силою в сырую темноту, говоря:

— Да не упирайся ты... Ночуешь у меня, я сказал.

— Да я не хочу..., — бормотал козловский рот.

— Рот закрой, машина, — тихо заревел старик в темноте. — Пизды получишь... Иди со мной, не пожалеешь... Будешь спать у меня. Я тебя завалю у себя. Я уже мёртвый.

Складывалось такое впечатление, что старик находится в состоянии истерики.

Козлов уже молчал. Старик был низкий и приземистый; можно было очень сильно ударить его и убежать. Но Козлову не хотелось бить старого человека.

Шли под какими-то обрушенными арками, сквозь камни которых сочилась холодная, неуютная вода. Фонари были, но не горели.

— Я тут, рядом, — приговаривал старик, словно уговаривая, словно извиняясь. — Уже дошли...

Они сели на чёрную от сырости скамейку во дворе.

Незнакомый это был двор, тёмный, сырой, и окна нависли над головой, грязно-жёлтые, мёртвые (словно от забытого ужаса).

— Древний кошмар, — сказал старик и обхватил грязную голову руками. — Выпьем.

Возникла бутылка. И больше ничего.

Из полуразрушенной арки вышли древние.

— О, — сказал старик. — Наши.

Эти люди шли в направлении двоих, сидящих на скамье. Шло около семи старых людей.

— Покинул мозг, — прошептал старик.

Древние были одеты в лохмотья; двое шли с посохами. Нет, трое. Козлов вгляделся.

Много ампул было навешано на лохмотья. Древние приблизились вплотную. От них пахло невидимым. Старик встал.

— Привёл, — сказал он. — Выцепил заблудшего.

Древние переговаривались на своём языке. Старик тоже заговорил по-ихнему.

Ампулы позванивали на лохмотьях. Лохмотья шелестели, шевелились. Древние переговаривались на своём наречии, и вдруг один из них схватил Козлова за руку. Произошло это внезапно, и Козлов вздрогнул.

— Не двигайся, — глубоким голосом произнёс схвативший. — Уйди вон от себя.

Древний извлёк шприц, наполненный чем-то, по крайней мере, прозрачным. Козлов задёргался. Древний надавил ему посохом на живот.

— Не смей двигаться, — произнес он, величественно подымая голову к мутному, струящему сырость небу, которое было над окнами.

В руку Козлова вошла игла.

— Чтобы двигаться, употребляем. Чтобы двигаться, — сказал старик, спутник Козлова.

Металлический шприц освободился от содержимого, которое перешло в тело Козлова.

И Козлов почувствовал перемены.

Древние переговаривались меж собою, и их лохмотья шевелились в тёмном вечернем воздухе, под нависшими грязными квадратами пустующих окон.

Козлов менялся незаметно, но менялся радикально.

А древние вошли в арку, из которой вышли. Вошли вместе со стариком, спутником которого был Козлов, и начали погружаться в ещё более ощутимую, немислимую глубину и темень дворов. Они шли и звали Козлова.

И Козлов встал со скамейки и вошёл в арку.

А фонари по-прежнему не подавали признаков жизни. Жизни вообще не стало нигде. Как жидкость ушла из шприца в тело козловское, так и жизнь улетучилась из всего, что должно быть ею наполнено; так улетучилась, словно её выдавили в иное.

Древние шли молча, с посохами, и Козлов шёл без посоха с древними.

Древний Козлов шёл по древнему миру, где не горело ни фонаря, ни окна. Ноги ступали, ощущали. Ощущал Козлов, как испарился свет из фонарей, из окон; как испарились номера автобусов, он ощущал. Асфальт исчез под ногами. Пещеры арок проплывали над головой, грязные, сочащиеся мутной влагой древних дождей. Разбивалась эта влага о лоб, о лицо Козлова.

Лёгкий Козлов двигался через бесчисленные арки, а влага струилась, молчаливая, ночная.

Струилась она над лёгким Козловым в ночи.

Над лёгким Козловым, пропавшим без вести, струилась безвременная, звучная влага.

ЦЕЛУЮЩАЯ СПЯЩИХ

Обычно я сплю крепко и глубоко, а засыпаю долго и мучительно. Однако в эту ночь дело обернулось иным, я бы сказал, прямо противоположным образом, ибо заснул я на удивление быстро, а спал исключительно чутко. Всякий звук, рождающийся в моей комнате в эту ночь, открывал для меня дверь. Например, дверь в окно, ведущее во двор (в моей комнате одно единственное окно, и оно выходит во двор через второй этаж). Двор, надо сказать, ничем не примечателен: зажат в четырёх стенах, тесен, увит плющом. На противоположной моему окну стене (которая совсем без окон) — ржавая пожарная лестница

с парой-тройкой проломленных временем ступеней и ведущая, по правде сказать, неизвестно куда. Прямо под лестницей — скрытый листовым фонарь с выбитыми на всех четырёх гранях стёклами, но действующий. Свет его зеленоват, тускл и напоминает лунный.

Попасть во двор можно только через чёрный ход, на ночь запирающийся на висячий замок. К моему окну на втором этаже снаружи никакие лестницы не ведут. Единственная лестница, по которой можно попасть ко мне, — внутренняя, каменная, ведущая к двери, которая на ночь изнутри запирается на ключ. Ключ я обычно кладу на письменный стол.

Итак, этой ночью меня разбудил звук или, я не знаю, ощущение света фонаря с улицы, — так или иначе, открыв глаза, я понял, что в комнате кто-то есть. Понял я это сразу, хотя никого не увидел. В комнате ничто не шевелилось, за исключением фонарного света с улицы, — это из-за колеблемой лёгким ночным ветром листвы, скрывающей фонарь. А может быть, это шевелились тени этой листвы?

Моя комната устроена приблизительно так: два или три ряда тяжёлых портьер (на тех стенах, где нет окон), куча старых платьев на вешалках (дырявые плащи, надетые один на другой и проч.). Эти вещи принадлежат не мне, а хозяйке, у которой я снимаю комнату. Хозяйка (Марья Ильинична, если мне не изменяет память) умерла с месяц тому назад, унеся тайну комнаты с собой в могилу, посему устройство и обстановка описываемого помещения, по-видимому, до конца времён останутся загадкой. Например, за портьерами имеются три или четыре чулана, два из которых абсолютно пусты (если не всматриваться), а остальные забиты всяческим хламом (заклеенные изоляционной лентой очки, церковные свечи, склянки с запялённой святой водой, пилки для ногтей, керосиновая лампа, кружева, тесёмки и т. п.).

Помимо всего прочего в комнате имеется широкая кровать (которую занимаю я) и два старинных платяных шкафа. Один из них (отведённый мне) фактически пустой (в нём пара-тройка чистых футболок и шнурованные кеды со сломанными каблуками, принадлежащие моей бывшей сожительнице). Второй шкаф — «детективный»; через него

можно попасть в соседнюю комнату (также хозяйскую), однако этот ход давно и безнадежно заперт и, по-моему, даже заколочен с той стороны (говорят, что через этот шкаф хозяйка ночью из своей комнаты входила к жильцам).

Итак, придя к заключению, что в моей комнате находится кто-то посторонний, я сразу же подумал о хозяйке, однако вскоре очень быстро вытряхнул из головы остатки сна, одумался, взвесил всё... «Кто-то (полагал я) должен находиться в одном из чуланов, за портьерами. Видимо, он наблюдает за мной, и посему мне не стоит подавать виду, что я проснулся и подозреваю о его присутствии. По этой причине я не шевелился совершенно; двигались в этой комнате лишь мои глаза.

Ключ от двери лежал на столе (хотя это совершенно ничего не значило). Шкафы заперты. Тишина. Я предположил, что в момент пробуждения я как-то неловко шевельнулся, застонал или что-нибудь в этом духе и тем самым отпугнул пришельца. Посему он сейчас затаился и ждёт. Но чего он ждёт? Например, ждёт, когда я засну. Значит (решил я) следует притвориться спящим и понаблюдать за тем, как события будут развиваться дальше.

Что я и сделал: не закрывая глаз, задышал ровнее; весь внимание. Но он мог видеть мои открытые глаза, ведь в комнате было достаточно светло. Поэтому я принял решение закрыть глаза и погрузиться во тьму и неизвестность (или, как говорят, отдаться во власть слепого случая), отныне полагаясь лишь на слух.

Сначала я не услышал ничего, кроме лёгкого, едва различимого шума ветра. Однако спустя некоторое время (может быть, минуту или полторы) к этому внешнему звуку, который исходил с той стороны окна, примешался совершенно иной, и он, этот звук, родился уже непосредственно здесь, в комнате.

То было шуршание края портьеры об пол, и затем тихий скрип половицы. Тот, кто находился за портьерой, теперь выбрался из своего укрытия и направлялся определённо в сторону моей кровати. Двигался он очень медленно (это было хорошо слышно по скрипу половиц). Я не открывал глаз. Уже можно было различить дыхание идущего — взволнованное, но в то же самое время как будто

умиротворённое. Все звуки исчезли, осталось только это дыхание. Он стоял уже рядом, совсем рядом, в изголовье кровати. Не открывая глаз, я ощутил приближение чего-то тёплого к моему лицу; я почувствовал запах мускуса, зверинца, жары.

— Я целую только тех, кто спит, — горячей скороговоркой прошептали мне в ухо; я открыл глаза, и в следующий момент цепкие, невероятно сильные пальцы схватили меня за горло.

— Только тех, кто спит.

Выпроставшись из-под одеяла, я обеими ногами отпихнул того, кто навис надо мной. Пальцы разжались, тело отбросило в сторону, тело упало в темноте. Я дёрнул за верёвочный выключатель над кроватью.

Конечно, это была женщина. Разглядев её при свете, я пришёл к заключению, что не думаю, что это хозяйка. Да это и вправду была не она. За моей спиной раздался скрип — это сквозняком приоткрыло входную дверь.

— Значит, вы вошли через дверь, — сказал я. — Да по-другому и быть не могло, — через двор, например, ко мне не попасть.

Я бы дал ей лет тридцать. Губы у неё были в крови — моя вина. Волосы распущены. Лента на шее. Деревяшки. Колокольчики. Длинное серое платье.

— Да, — сказала она. — Только через дверь. Ключи, — добавила она.

— Ключи?

— Ну да, ключи.

И она потрясла огромнейшей связкой ключей.

— Боже, сколько их у вас... Наверное, от всех на свете дверей...

— Почти, — она посмотрела на меня, как мне показалось, косо.

Я взял её под руки и усадил на стул.

— А я сначала подумал, что вы вошли через шкаф.

— Не знаю пути через шкаф, — сказала она, вытирая рот.

— Ну, и хорошо, что не знаете... И всё-таки интересно, откуда у вас ключ? Я имею в виду ключ от моей комнаты?

— Откуда? Не помню... Я их нахожу. Ищу и нахожу.

— Находите?

— Да, на улице. На улице много ключей.

— И как вы определяете... Ну, я имею в виду, откуда вы знаете, что, например, вот этот ключ именно от этой двери, а не от другой? Вы что, бросаете кости? Или вам это снится?

— Не знаю. Я просто выхожу и иду. Ночью по городу. С закрытыми глазами или нет, я не знаю. Иду и прихожу.

— И что, ключ всегда подходит?

— Не подходит, когда не спят. А так — подходит всегда. Поэтому и странно. Очень странно. Сейчас странно.

— И что вы делаете, когда приходите?

— Я целую тех, кто спит.

— Целуете? Зачем?

— Потому что это — лучше всего. Это лучше всего на свете. Это лучшее из того, что можно делать... Но теперь — всё. Со мной такого никогда не случалось. Это конец и для вас, и для меня.

— Конец? Не понимаю... Почему конец?

— Вы не спали. Вы обманули меня. Ключ обманул меня. Ваша комната обманула меня. И я столкнулась с тем, кто не спит.

— Да разве вы не сталкиваетесь с ними каждый день? С теми, кто не спит?

— День? Меня не бывает днём. Хотя днём спят все. Но по-другому. И меня не бывает днём.

Я сел напротив неё на кровать и прикурил сигарету.

— Дайте мне денег, — сказала она. — Я уеду. Я должна уехать отсюда. Далеко. Навсегда... Хотите переспать со мной? Раз уж мы оба здесь...

Я посмотрел на неё. Я был подлецом и сказал ей правду. Через десять минут она не поправляла перед зеркалом волосы.

— Вы завтра умрёте, — сказала она. — Завтра ночью.

Я посмотрел в окно, где свет фонаря медленно расплывался в свете тусклого, полупрозрачного утра. На часах было: 4:16. Я усмехнулся:

— Почему завтра?

— Не знаю. Так надо. И я тоже завтра.

Я прикурил сигарету.

— Знаете, — сказала она, — когда вы спите, всегда что-то происходит. В вашей комнате. Я имею в виду, не только

в вашей... Вообще, когда кто-то спит, в его комнате что-то происходит. Это может происходить с тем, кто спит, а может просто происходить. Но сейчас это чаще происходит именно с теми, кто спит. Всё чаще.

— А если человек не спит?

— Если он не спит, этого не происходит. Знаете, я приходила и целовала. Всегда по-разному. В щёку, в волосы, в губы. Это чудесно. И тогда происходило это, а не что-то другое.

Я смотрел во двор, она тоже.

— Странное место, — сказала она. — Из него действительно никуда нельзя попасть.

Она ушла.

А следующей ночью было вот как: я засыпал долго и мучительно и заснул крепко и глубоко. А потом я поднялся и сел на постели. Нет, я вовсе не хочу сказать, что я не спал, напротив, я спал и спал крепко и глубоко. И, сидя на кровати, я видел то, что происходит в моей комнате. В моей комнате что-то происходило, нечто происходило, а лучше сказать — просто происходило. И это происходило со мной, со спящим.

И от этого я умер.

ПАМЯТНИК

Старик. Проходная. Вечер.

Дерьмо падает с неба в карманы ушей. Белое дерьмо, лёгкое, холодное, чистое. Птицы с выбитыми зубами, разбросанные тут и там, во тьме, во рту, во мгле. Вот и выходит. Вышла. Я говорю спиной: не уходи не уходи не уходи. Твоё имя для меня закон; я — солдат печали с оторванным удом, выброшенным во двор, забрызганный, с паром из всех на свете люков и со звездой во лбу сверкающего дома и так далее, и вот ты она вышла. Я ведь говорю: твоё имя для меня закон, и так и будет, будь я проклят, я, повернувшийся задом ко всему, что движется и крохотно шепчет в телефонной трубке по вечерам; я тебя обнимаю, но не попадаю, когда ты выходишь, пропускаешь мимо ушей, мимо глаз, игнорируешь — и как быть?

Старик. Проходная. Вечер.

Старик шевелил руками в голубоватом полумраке, в то время как снег всё падал и падал в пустую утробу, в настезь распахнутую голову. Старик был неподвижный памятник во дворе, в квадратном дворе; и почему вокруг него, в снегу, выются ласковые подслеповатые огни? Светляки. Насекомые оттудова (тычу пальцем в небо). Наблюдаю за тобой, в то время как памятник шевелится, спускается с заплесневелого пьедестала, идёт в мою сторону.

Во дворе в то время, как раз в шесть вечера, было людно. Воздух курился снегом; фонари задрожали, задрожали и загорелись. В самом высоком окне, как всегда, циферблат; он светится, в то время как я ползаю вниз, жду. Памятник идёт ко мне; я зову его шёпотом. С горя засыпаю я, я, заклинатель; памятник идёт ко мне, чтобы обнять мои тощие плечи. Глаза его светятся; он идёт. Попался на мой крючок ненароком, пока я ждал. Давеча, много лет (уж и чёрт его знает сколько), стоял себе, недвижимый, глотал снежинки, а сегодня вот на тебе — идёт ко мне. Мы уже сейчас, на расстоянии (а до меня ему, в общем-то, ещё прилично идти по снегу), уже сейчас, говорю я, обмениваемся мы информацией. Он подаёт мне знаки, сигналы. Да, глаза его меняют цвет, но несущественно. Вон, голуби, когда сходил он вниз, взмыли с плеч его долой, туда (я смотрю вверх). Осели где-то на окнах бестелесные ангелы.

Да, ангелы. Твоё имя для меня закон (шепчу это). Он идёт в мою сторону, шаркая ногами; в сумерках глаза его голубым светятся, лица я не различаю, только силуэт; он идёт сюда. А я зову тебя, зову: когда же ты, чёрт возьми, выйдешь из этой арки. Вон, на первом этаже, в окне, на кухне, выбитые зубы разбросаны по полу; опять куролесили — милейшая Тамара Викторовна Липатова и Константин Сергеич (тоже Липатов). Выбитые зубы, кровища. Убила, наконец, долбаного дурака. Птички бьются в стекло так, как будто у них совсем нет ума; слепые, бьются они в мутное от жира стекло — душевнобольные ангелы-хранители. На труп Липатова садятся просветлённые мухи — даже они беседуют с ним о тебе. Он отвечает им вполголоса и поёт; я слышу. Поёт о тебе. Арка пуста; белый ветер гуляет там. Он идёт ко мне, и не пойму я — живой он или нет, вот ей-богу, не пойму.

А ведь он уже близко; я зову тебя, он реагирует на зов, протягивает руки. Ну же... Давай, появись. Я схвачу, обниму тебя внезапно, абсурдно. В арке пусто, фонарь качается, как маятник, нудно, одинаково. Скажи мне только слово — я ведь сразу смогу забыть всё. Я имею в виду — попроси меня. Даже не проси, я всё равно забуду. Ты ведь всё знаешь, чёрт возьми, ты посмотри только на меня... По-моему, всё очень ясно. Я плохо скрываюсь. Некартинно... Пусто сегодня. Видишь — пусто там, в арке.

Он подошёл, прикоснулся сзади ко мне рукой, и всё, понимаешь, я стекленею, каменею, деревенею. Всё, я уже наполовину не твой, я даже совсем не твой; моё тело подчиняется ему. Уже ему. Он среагировал, я тоже. Я поворачиваюсь к нему лицом, глаза его неоновым светятся, бросаюсь ему в объятия, и он, холодный, твёрдый, теплеет, обнимая меня, теплеет, размягчается. Ноги мои не двигаются, я врос в своё место в его объятиях. Прощай. Мои глаза светятся голубым, синим, холодным. Он высвобождается из моих объятий, уходит мягкий, тёплый, живой. Идёт к арке, а там, в ней, — я же вижу, — стоишь молча, ждёшь. Губы раскрыты. Он идёт к тебе. Дождалась; он поравнялся; повернулась, пошли вместе, туда, в глубь, от меня, рука в руке.

СОДЕРЖАНИЕ

«ТЕСНЫЕ ШКУРЫ САКРАЛЬНОСТИ...»	
Предисловие И. Васильевой, Д. Цесельчука	3
Стихи	5
Проза:	
Снеговик	17
Древние	29
Целующая спящих	32
Памятник	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

Илья Николаевич Егармин
ЧЁРНАЯ ТРАВА
Стихи и проза

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор – Евгений Степанов
Выпускающий редактор – Нина Давыдова
Компьютерная вёрстка – Марина Кива

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 12.12.2014
Подписано в печать 27.12.2014

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75